

Г. П. Артёмов

КОЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Проблема согласованного развития политических установок (совокупность которых образует политическую культуру) и институтов (совокупность которых образует политическую систему) возникла в политологии задолго до начала «третьей волны» демократизации и обусловленных ею демократических транзитов в различных странах мира. В современной России эта проблема приобрела особое значение¹. Концепция политической культуры, предложенная Г. Алмондом еще в конце 50-х гг. XX в.², в качестве одного из основных элементов включала положение о взаимосвязи политической культуры и политической системы. Позднее это положение получало неоднократное эмпирическое подтверждение в материалах сравнительных политологических исследований³. В ходе этих исследований было обнаружено, что соответствие политической культуры и политической системы не устанавливается автоматически в процессе исторического развития, что существуют «консенсусные» и «конфликтные» политические культуры. Для первых характерно «согласие между гражданами по поводу существующих механизмов принятия политических решений», для вторых — «расхождение представлений граждан» по данному вопросу⁴. Кроме того, кросснациональные опросы показали, что политическая культура, точно так же как и общая культура населения различных стран, изменяется в соответствии с изменением условий жизни⁵, что «постепенная смена поколений означает постоянную модификацию политической культуры, поскольку новые граждане опираются на другой опыт»⁶. Модификация культуры сопровождается модификацией политической системы в каждом новом цикле поколений.

Приведенные выше положения политическо-культурологии имеют большое значение для изучения взаимообусловленности развития политических установок и политических институтов в современной России. Новые установки формируются у тех поколений, первичная социализация которых проходила в новых условиях, возникших благодаря экономическим, социальным и политическим трансформациям 90-х гг. XX в. Однако представители этих поколений пока еще не достигли стадии социальной зрелости и не заняли доминирующие позиции в различных сферах общественной жизни. Эти позиции занимают представители тех поколений, которые выросли в условиях советской экономической и политической системы. Их установки в значительной мере опираются на опыт, приобретенный в уже не существующей стране, в которой господствовали централизованная плановая экономическая система, однопартийная политическая система и одна идеология. Постсоветский характер политических установок этих поколений предопределяет постсоветский характер политических институтов современной России, поскольку институты представляют собой формальное воплощение установок, доминирующих среди элитных и массовых групп населения.

Политические установки поколений, выросших в период радикальных реформ, опираются на совершенно иной опыт, соответствующий рыночной экономике, многопартийной

системе власти и идеологическому плюрализму. Однако в настоящее время эти поколения занимают подчиненное положение, поскольку их историческое время еще не наступило. Оно наступит тогда, когда люди, базовые установки которых формировались после 1992 г., достигнут сорокалетнего возраста, т. е. в 2020 г. Именно тогда социальный потенциал нынешнего старшего и среднего поколений будет в основном исчерпан, и они уступят ключевые позиции в политике, экономике и культуре тем, кто освоил новые практики, позволяющие успешно действовать в условиях экономической, социальной и политической неопределенности. В соответствии с установками, усвоенными нынешним младшим поколением россиян, изменится и характер существующих в настоящий период политических институтов. У поколений, которые будут проходить первичную социализацию в рамках таких изменившихся институтов (после 2020 г.), сформируются другие политические установки, которые также изменят характер политических институтов страны, когда эти поколения достигнут возраста социальной зрелости и займут доминирующие позиции во всех сферах общественной жизни.

Исходя из этих положений можно утверждать, что поколенческая динамика является важным фактором, порождающим циклы коэволюции политических институтов и политических установок, в каждом из которых происходит их периодическое взаимообусловленное обновление. Перефразируя известное изречение, можно утверждать, что народ любой страны имеет ту политическую систему, которой он умеет пользоваться для достижения своих целей, и, вместе с тем, каждое новое поколение представляет собой новый народ, модифицирующий унаследованную политическую систему в соответствии с новыми целями, которые возникают в изменившихся исторических условиях. Следует согласиться с Л. А. Беляевой в том, что в настоящее время «в России формируется новая культура молодого поколения, которая проявит свои признаки только со временем, когда оно станет доминирующим в важнейших общественных структурах и процессах»⁷.

Несоответствие массовых политических установок и политических институтов обусловлено спецификой политического российского транзита, которая заключается в том, что изменения институтов в 90-е гг. XX в. были, как и в предыдущие периоды развития страны, навязаны⁸ населению страны узким слоем доминирующей группировки правящей элиты. Достаточно напомнить, что реформы 1990-х гг., коренным образом изменившие «институциональный дизайн», т. е. официальные правила экономического и политического поведения людей, проводились не по законам, принятым всенародно избранными депутатами парламента (в котором противники реформ преобладали над сторонниками), а по указам президента Б. Н. Ельцина. Причем, изменения насаждала «сверху» посткоммунистическая элита, состоявшая на две трети из представителей советской номенклатуры⁹, умевшей управлять массовыми группами главным образом на основе административного давления, а не на основе согласования и соучастия. Не удивительно поэтому, что декларируемые цели реформ (улучшение условий жизни и повышение благосостояния населения) не были достигнуты, а части элиты, проводившие эти реформы и называвшие их демократическими, потеряли доверие большинства граждан. По данным Фонда «Общественное мнение», во второй половине 90-х гг. XX в. около 60 % россиян считали, что «демократия в России терпит поражение»; более половины полагали, что политический режим страны нельзя называть демократическим, а политическое руководство — демократами¹⁰. Это разочарование произошло не только из-за резкого снижения уровня жизни, но и из-за того, что правящая элита не смогла обеспечить соблюдение экономических, социальных и политических прав населения страны. Этот признак демократии внедрился в массовое сознание

во второй половине XX в. не только благодаря принятию ООН «Всеобщей Декларации прав человека», но и благодаря пропагандистской и практической деятельности активистов правозащитного, женского, молодежного, антивоенного, национально-освободительного и экологического движений. Немаловажную роль в распространении подобных стереотипных представлений о демократии сыграли многочисленные российские гражданские движения 80–90-х гг. XX в.

Резкое снижение уровня доходов большинства жителей страны после 1992 г., а также крах экономической системы в августе 1998 г. породили у значительной части массовых и элитных групп контрреформаторские настроения, которые спровоцировали уход Б. Н. Ельцина с поста президента страны в конце 1999 г. Эти же настроения стали одной из основных причин поражения сторонников либеральных реформ на парламентских выборах 2003 и 2007 гг.

В итоге в массовом политическом сознании сложилась парадоксальная ситуация: «позитивное идеальное (нормативное) отношение к демократии и рыночной экономике противопоставлено крайне негативным конкретным (дескриптивным) оценкам реального состояния экономики и функционирования основных политических институтов»¹¹.

Коррекция политического курса в 2000-е гг. способствовала стабилизации экономической и политической системы страны, однако не смогла преодолеть беспрецедентную социальную поляризацию (она даже несколько усилилась)¹² и недоверие политическим институтам и правящей элите страны. По данным ИСПИ РАН, в 2007 г. доля граждан, доверяющих различным политическим институтам, превышала долю недоверяющих только в отношении президента страны. Особенно низким был рейтинг доверия таким институтам представительной демократии, как Совет Федерации, Государственная Дума, а также партиям, политическим движениям и профсоюзам. Он остался практически таким же, как и в 1999 г.¹³ Это обусловило отчуждение большинства граждан от государственных и гражданских институтов, их уверенность в том, что «большинство из них не может повлиять на политические процессы в стране», что «людям у власти нет никакого дела до простых людей». Доля респондентов, согласных с этими суждениями, в период с декабря 1999 г. по январь 2007 г. существенно увеличилась (соответственно с 45 до 74 % и с 63 до 79 %)¹⁴.

Подобные установки населения способствуют снижению уровня его участия во всех политических процессах, уходу его в сферу частной жизни, обособлению политических институтов от населения и повышению степени их формализации, отрыву от системы реальных взаимодействий, существующих в обществе. Анализируя политическую трансформацию современной России, В. В. Петухов пишет: «Исследования последних лет фиксируют постоянно снижающийся уровень политической активности россиян. Выросло целое поколение людей, которые уже ничего не ждут ни от власти, ни от общественных институтов и действуют, что называется, в автономном режиме. Их жизненная энергия направляется в сферы, далекие от политики»¹⁵.

Между тем удельный вес граждан, считающих, что «люди должны быть в большей степени вовлечены в политику», в России практически такой же, как в среднем по странам Европейского Союза (соответственно 70 и 75 %)¹⁶. Это свидетельствует о наличии в российском обществе значительного нереализованного потенциала политической активности, невозможность практической реализации которого порождает низкую степень удовлетворенности населения «работой демократии». По данному показателю Россия занимает одно из последних мест среди европейских стран, переживающих политический транзит¹⁷. Такая

оценка не в последнюю очередь обусловлена укорененностью в массовом сознании стереотипа, согласно которому демократия означает возможность участия рядовых граждан в принятии решений на национальном и местном уровне. Подобное понимание демократии стало стандартным во всех наиболее развитых западных странах, в переходных же странах оно превратилось в социальный идеал, ориентирующий политические практики. Американские футурологи Дж. Несбитт и П. Эбурдин считают переход от традиционной представительной демократии к демократии соучастия одной из мегатенденций развития мирового сообщества на рубеже XX–XXI вв.¹⁸, а известный политолог А. Лейпхарт подчеркивает, что для большинства социально неоднородных («многосоставных») обществ перспектива их политического развития заключается не в выборе между западной представительной демократией и демократией соучастия («сообщественной демократией»), а в выборе между демократией соучастия и отсутствием демократии вообще¹⁹. Несмотря на то что многие незападные страны еще находятся на аграрной, индустриальной или переходной стадии развития и отстают по многим параметрам от постиндустриальных стран, представительная демократия во всех случаях нуждается в дополнении ее демократией гражданского соучастия, приближающей центры принятия решений к тем людям, которых они касаются. Невозможность такого соучастия обуславливает повсеместное снижение уровня доверия традиционным институтам представительной демократии²⁰; это фактически означает, что реальное влияние на принятие решений оказывают только профессиональные политики, а рядовые граждане вынуждены прибегать к посредничеству последних. В связи с этим С. Липсет делает вывод о том, что «нам следует обратить внимание на восстановление общественных союзов и связей, являющихся промежуточным звеном между государством и гражданами»²¹.

Распространение подобных установок и стремлений в переходных обществах является следствием глобализации информационного пространства, которая делает общедоступным политический опыт, накопленный гражданами наиболее продвинутых в политическом отношении стран мира. Знание не ведает границ, особенно если оно способствует решению проблем повседневной жизни людей. В этом отношении следует напомнить известное суждение о том, что «диктаторов лишили власти мировая система телевидения и видеокассеты»²². Конечно, не стоит преувеличивать роль технических средств распространения политического опыта. Непосредственные кросснациональные контакты миллионов граждан различных стран, усиливающиеся благодаря развитию делового сотрудничества и массового туризма, не в меньшей степени способствуют широкому внедрению в повседневную практику новых технологий политического участия, не ограничивающих его эпизодическим голосованием за одну из конкурирующих группировок правящей элиты. Такая демократия осталась в прошлом, если не в позапрошлом веке. И одной из причин такого изживания «демократических пережитков» является усиливающееся стремление новых поколений к самореализации. Однако в современной России это стремление реализуется вне сферы политики, поскольку подавляющее большинство граждан не представляют, каким образом они могут повлиять на деятельность институтов власти. По данному показателю Россия существенно отстает от всех стран Восточной Европы (за исключением Болгарии), а они, в свою очередь, значительно отстают от стран Западной Европы (рис. 1).

Уровень политической компетентности в России в два раза ниже среднеевропейского, а среди переходных стран наша страна занимает предпоследнее место. В то же время, доля граждан, согласных с суждением: «Люди должны быть в большей степени вовлечены в политику», в России практически такая же, как в среднем в странах Европейского Союза (около 70 %)²³. Это свидетельствует о наличии в нашей стране разрыва

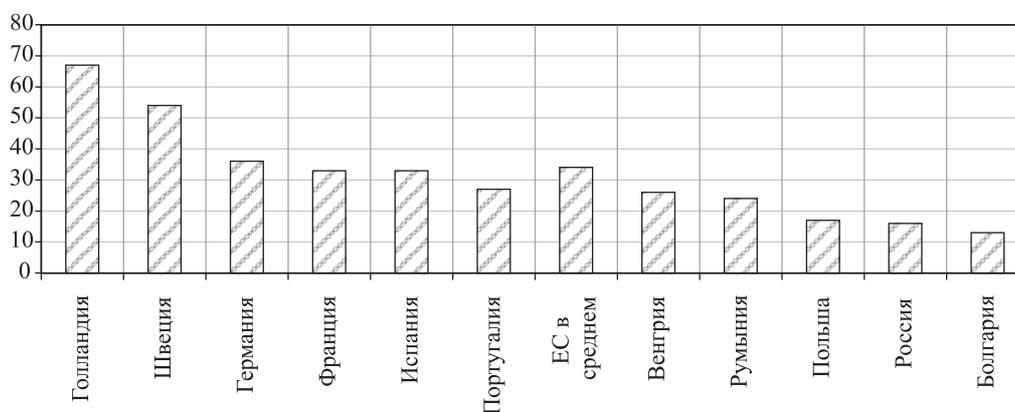

Рис. 1. Удельный вес политически компетентных граждан* (в % от числа опрошенных)

* Указана доля респондентов, согласных с суждением: «Я знаю, как сделать мой голос услышанным при принятии важных политических решений». Данные приводятся выборочно.

Источник: Петухов В. В. Демократия участия и трансформация России. М., 2007. С. 77.

между позитивной установкой на политическое участие и реальной включенностью в политику. Наша демократия, декларированная Конституцией Российской Федерации, остается элитарной, обособленной от рядовых граждан. Из-за этого у нас случаются казусы с принятием государственных решений, вроде пресловутого закона о «монетизации льгот», который вызвал массовые протесты пенсионеров именно из-за того, что готовился и принимался обособленно от них. В других случаях принятые подобным образом решения властей просто не выполняются, поскольку противоречат интересам рядовых граждан. Но главное не в акциях протестах, а в том, что такая практика снижает доверие населения политическим институтам, а заодно и эффективность их деятельности, блокирует решение государственных проблем и препятствует прогрессивному развитию страны (внедрению высоких технологий, переходу к экономике знаний, формированию гражданского общества, инновационному типу отбора правящей элиты и др.).

Даже если у нас институты представительной демократии начнут работать так же, как в других европейских странах, отчуждение населения от власти не исчезнет, поскольку старые формы демократии не отвечают запросам граждан и вызовам времени. В связи с этим уместно сослаться на вывод Римского клуба о том, что «в своей нынешней форме демократия вряд ли пригодится для решения предстоящих задач» и что «центры, принимающие решения, должны находиться как можно ближе к людям, которые либо получают выгоды от этих решений, либо страдают от них»²⁴. Демократия участия соответствует этим новым требованиям, а требования, в свою очередь, соответствуют новым установкам населения, все большая часть которого не хочет перепоручать решение своих проблем политикам, а предпочитает заниматься этим самостоятельно. Неудивительно, что в современной России «интерес к “демократии участия” и к тому, что называется гражданским обществом, резко возрос — как у власти, так и у оппозиции»²⁵.

Всероссийские опросы ВЦИОМ свидетельствуют о том, что формирование гражданского общества зависит как от установки массовых групп на активное политическое участие, так и от установки элитных групп на вовлечение массовых групп в решение общественных проблем (табл. 1).

Таблица 1

Условия формирования гражданского общества в России (в % от числа опрошенных)

Вопрос: «Что, на Ваш взгляд, нужно, чтобы в России утверждалась демократия и формировалось гражданское общество?» (вопрос закрытый, до трех ответов)*

Альтернативы ответа	2004 г.	2006 г.
«Чтобы сами граждане активнее принимали участие в общественной и политической жизни, боролись за свои права»	19	34
«Чтобы власть считалась с интересами граждан, шире привлекала их к решению важных общественных проблем»	30	39
«Чтобы люди были избавлены от материальной нужды»	44	40

* В таблице приводятся варианты ответа, отмеченные большей частью опрошенных.

Источник: Путеводитель по выборам: Политическая Россия — 2007 / Под ред. В. В. Федорова. М., 2007. С. 127.

Эти данные еще раз подтверждают правомерность суждения о том, что для развития демократии и гражданского общества в нашей стране необходимо согласованное преодоление политической пассивности граждан и политической обособленности власти. Экономической предпосылкой решения этой задачи служит преодоление «материальной нужды», которая заставляет людей тратить значительную часть своего времени и сил на поиски средств существования и ограничивает их политическую активность. Важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет не об увеличении доли людей, участвующих в голосовании на выборах, а о повседневном вовлечении рядовых граждан в решение важных общественных проблем. В условиях ускоренного политического транзита формирование культуры соучастия у рядовых граждан невозможно без содействия правящей элиты, а точнее без сотрудничества рядовых граждан и представителей правящей элиты, поскольку политическая культура представляет собой тип отношений между представителями элитных и массовых групп. Поэтому для перехода от доминирующей в настоящее время культуры подчинения к культуре участия необходимо изменить не только отношение рядовых граждан к представителям власти, но и отношение представителей власти к рядовым гражданам.

Существует ли в российском обществе нереализованный потенциал гражданской активности, и как он распределен между различными группами населения? Ответ на этот вопрос можно получить на основе изучения структуры и динамики политических установок, характерных для «культуры участия».

На основе обобщения результатов эмпирических исследований²⁶ к основным компонентам такой культуры можно отнести:

- политическую *заинтересованность* (интерес к политике);
- политическую *компетентность* (уверенность в своей способности оказывать влияние на решения властей);
- политическую *включенность* (готовность к активному политическому протесту в случае ущемления прав и интересов);
- *приверженность демократическим ценностям* (права человека и свобода).

Мониторинговые исследования²⁷ ЦЭПИ СПбГУ по проекту «Политический Петербург» позволили установить следующую конфигурацию перечисленных переменных (табл. 2).

Таблица 2

Политическая культура возрастных групп 2002—2008 гг.*

Возраст	Интерес к политике		Компетентность		Готовность к протесту		Свобода		Права человека	
	2002	2008	2002	2008	2002	2008	2002	2008	2002	2008
В среднем по выборке	48	54	6	9	33	41	13	17	15	17
18–29	34 –2,6	47 –2,1	7	15 +2,8	42 +2,8	56 +3,5	20 +3,4	35 +6,6	23 +3,5	28 +4,0
30–39	37 –2,3	47 –2,2	7	9	28	41	17	18	18	19
40–49	45	56	5	9	30	44	13	9 –2,5	14	14
50–59	50	58	5	9	31	41	9	10 –1,9	11	13
60 и старше	59 +6,3	61 +4,1	5	5 –2,3	30	26 –3,7	7 –3,1	9 –3,0	8 –3,0	10 –2,6

* В таблице указаны наблюдаемые величины (в %), а также значимые (больше 1,65) стандартизованные остатки.

Источник: ЦЭПИ СПбГУ. Телефонные опросы «Политический Петербург» (2002 г. 1200 человек) и (2008 г. 976 человек).

Анализ приведенных данных позволяет сделать вывод о том, что по всем выделенным показателям культуры участия — доминирующей компоненты гражданской культуры (интерес к политике, политическая компетентность, готовность к протесту против ущемления прав, приверженность демократическим ценностям), у младшей возрастной группы в период с 2002 по 2008 гг. наблюдается существенный прирост. Кроме того, в настоящее время по всем этим показателям молодое поколение превосходит взрослое и старшее поколения. Важно отметить и то, что не только у молодежи в возрасте около 29 лет, первичная социализация которой проходила в условиях радикальных реформ 1990-х гг., но у восемнадцатилетних граждан, первичная социализация которых проходила в период посткризисной стабилизации 2000-х гг., в большей степени, чем у других возрастных групп, сформированы установки, соответствующие культуре участия. Причем, практически по всем показателям у младшего поколения зафиксированы значимые положительные величины стандартизованных остатков. Это указывает на наличие статистической зависимости между возрастом и показателями гражданской культуры. У молодых, образованных и обеспеченных граждан, выросших в условиях новой России, в большей степени развиты качества, характерные для культуры участия²⁸. Интерес к политике у них ниже, чем в среднем среди опрошенных, но, во-первых, он практически такой же, как в среднем по странам Европейского Союза, а во-вторых, высокий интерес к политике сам по себе, без других перечисленных выше показателей, является признаком культуры подчинения (преобладающей у людей старшего возраста), а не культуры участия. Пока значения показателей культуры участия у молодого поколения еще не достигли уровня, характерного для гражданской культуры, однако выявленная нами тенденция изменения этих показателей позволяет предположить, что к тому времени, когда нынешнее младшее поколение достигнет возраста социальной зрелости (2020 г.), соотношение основных типов политической культуры, образующих гражданскую культуру, будет соответствовать нормативному²⁹.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что у новых поколений российских граждан усиливается ориентация на либеральные ценности (права и свободы) и самореализацию. В соответствии с этими ориентациями будут эволюционировать и политические институты России, однако этот процесс будет протекать естественным образом в случае совпадения установок массовых и элитных групп. Новая политическая культура как тип взаимоотношений правящей элиты и рядовых граждан может сформироваться только в результате их согласованных действий.

Рост представительства в политических институтах людей с установками, характерными для культуры участия, будет способствовать изменению характера самих институтов, которые являются лишь официальным выражением доминирующего среди граждан типа политической культуры. Это приведет к обновлению демократических процедур, введенных «указами сверху» правящей элитой. В. К. Левашов отмечает, что «новая демократия возникает вместо старой демократии, которая, как правило, ограничивалась избирательными процессами. Новая реальная демократия возникает как инструмент гражданского общества, которое контролирует использование ресурсов на местах»³⁰.

Сравнительный анализ данных всероссийских опросов, проведенных в период посткризисной стабилизации (1999 и 2003 гг.), свидетельствует о существенном увеличении доли людей, намеренных отстаивать свои права и интересы способами, характерными для демократии участия: обращение в государственные и гражданские организации,

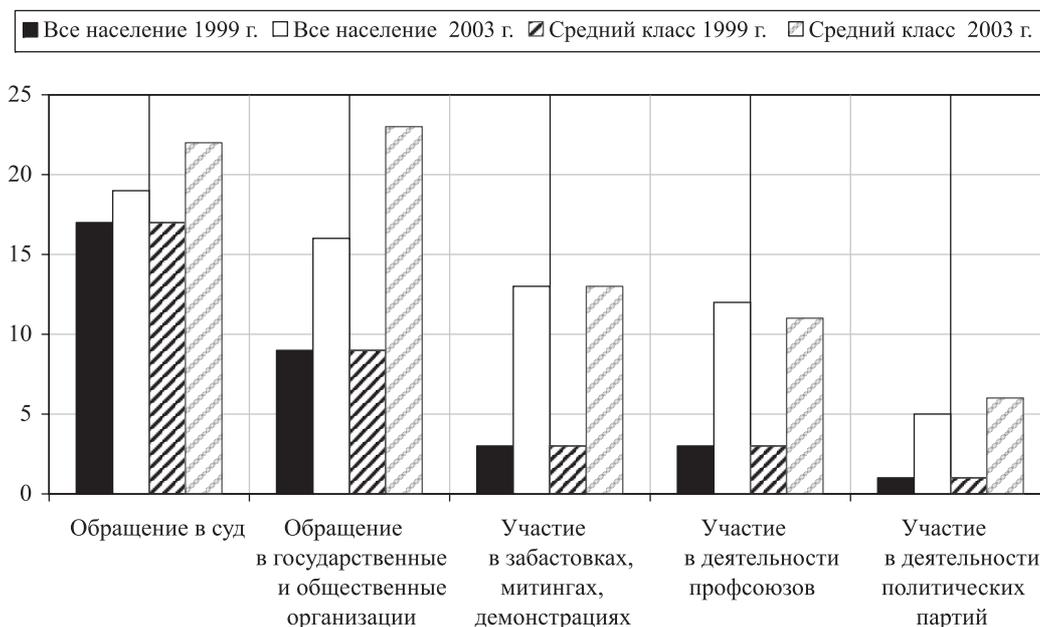

Рис. 2. Оценка результативности различных способов отстаивания собственных прав и интересов (в % от числа опрошенных)

Источник: Средний класс в Российском обществе. М., 1999. С. 205; Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М., 2004. С. 225—226.

участие в забастовках, митингах, демонстрациях, деятельности политических партий и профсоюзов (рис. 2).

На рис. 2 видно, что за указанный период доля представителей среднего класса, готовых отстаивать свои права и интересы с помощью обращения в суд, увеличилась с 16,9 % до 21,8 %; забастовок, митингов и демонстраций — с 2,8 % до 12,5 %; участия в деятельности политических партий и движений — с 0,8 % до 6,3 %; участия в деятельности профсоюзов — с 2,6 % до 11,1 %. Важно отметить, что одновременно существенно снизилась доля людей, намеренных защищать свои права и интересы с помощью традиционных для нашей страны способов: «использования личных связей и знакомств» (с 31,7 % до 24,1 %) и «решения проблем с помощью вознаграждения» (18,1 % до 11,4 %) ³¹.

Эти и другие данные позволяют сделать вывод о том, что население России начинает проявлять возрастающий интерес к новым политическим формам защиты своих прав и интересов, причем, что особенно важно, к повседневным, а не к эпизодическим (вроде выборов и референдумов) формам. Этот факт заслуживает особого внимания в связи со снижением уровня электоральной активности населения, прежде всего, людей, занимающих средние и высокие статусные позиции. Среди этих категорий населения растет доля тех, кто проявляет готовность участвовать в постоянной политической деятельности с целью защиты своих законных прав и интересов в процессе принятия решений на различных уровнях управления страной.

Обобщая эти и другие данные, В. В. Петухов пишет, что «большинство россиян все же не собираются доживать свой век “на коленях”» и что в настоящее время «появляются возможности для соединения жизненной энергии, направленной на индивидуальную личную самореализацию, с целями и задачами гражданской активности и общественного, политического участия» ³².

Этот вывод в целом соответствует результатам опросов населения Санкт-Петербурга, проведенных в 2002–2008 гг. ЦЭПИ СПбГУ (рис. 3).

Приведенные на рис. 3 данные свидетельствуют об увеличении готовности к активному протесту в случае ущемления прав и интересов почти во всех возрастных группах (за исключением старшей), но особенно у людей в возрасте от 18 до 29 лет. Рост этого показателя гражданской культуры наблюдается почти у всех социально-профессиональных групп (за исключением инженеров и техников, а также пенсионеров). В большей степени, чем все остальные социальные категории, готовы к протесту предприниматели, работники управленческого аппарата, военнослужащие, студенты вузов и учащиеся техникумов. Необходимо учитывать то, что это в основном молодые представители социальных успешных слоев, у которых причиной готовности участвовать в акциях протеста служат не материальные лишения (как у пожилых людей), а отсутствие возможностей реализации своих жизненных планов, обусловленное медленными темпами улучшения общих условий жизни в стране. Эти активные и энергичные молодые люди не довольны не тем, что государство не обеспечивает им достойный уровень жизни, а тем, что оно не предоставляет им возможность самостоятельно обеспечивать себе такой уровень жизни. Этот вывод можно сделать на основе анализа данных, приведенных на рис. 4.

На рис. 4 видно, что люди в возрасте от 18 до 29 лет склонны соглашаться (стандартизованный остаток равен +2,0), люди в возрасте старше 60 лет склонны не соглашаться с данным суждением (стандартизованный остаток равен –2,6). У остальных возрастных групп стандартизованные остатки меньше 1,65. Это значит, что распределение ответов на данный вопрос у них не отличается от среднего по выборке: 70 % из них полностью

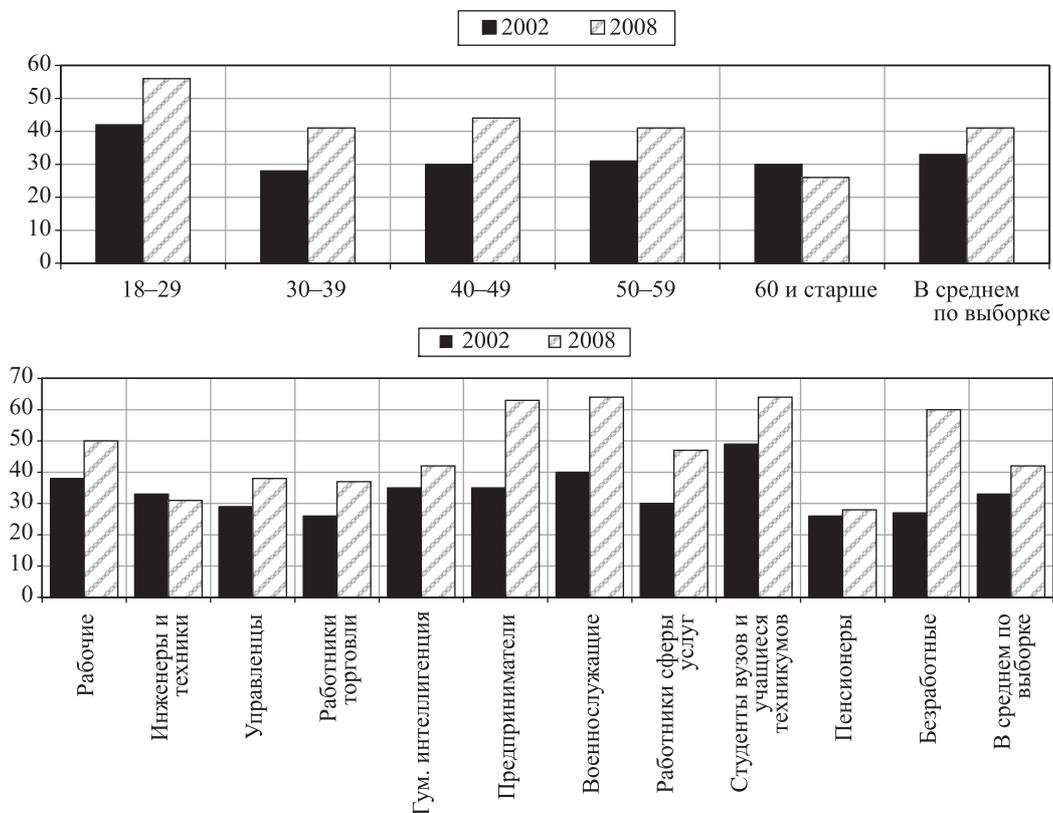

Рис. 3. Тенденции изменения готовности к протесту в случае ущемления прав и интересов в 2002–2008 гг. (в % от числа опрошенных)

Источник: ЦЭПИ СПбГУ. Опрос «Политический Петербург» Март 2002 г. 1200 человек; Март 2008 г. 1119 человек.

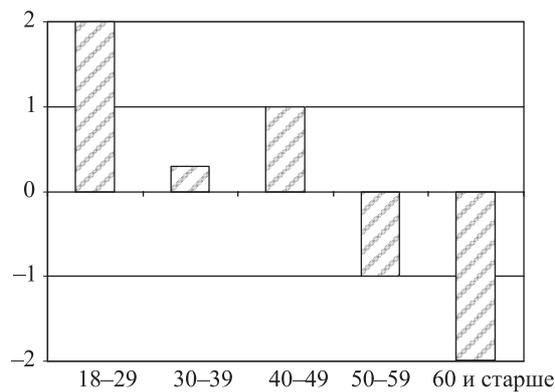

Рис. 4. Возраст и степень согласия с суждением: «Люди сами должны обеспечивать себе достойный уровень жизни» (указаны величины и знаки стандартизованных остатков)

Источник: ЦЭПИ СПбГУ (Опрос «Политический Петербург-2006»). Март—апрель 2006 г. 1165 человек).

или частично согласны с данным суждением (среди молодежи доля таких людей равна 81 %, а среди пожилых людей — 56 %).

Для приведения политических институтов в соответствие со структурой и динамикой политических установок населения в настоящее время необходимо предоставить государственную поддержку тем, кто не может самостоятельно улучшить условия своей жизни, и в то же время предоставить возможности для реализации растущей потенциальной активности тем, кто стремится самостоятельно решать проблемы своей жизни.

¹ См., например: Мельвиль Ю. А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Политическая Россия / Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998; Лапкин В. В., Пантин В. И. Политические ориентации и политические институты: проблема коэволюции // Полис. 1999. № 3.

² См.: Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol. 18 (3).

³ См.: Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963; The Civic Culture Revisited / Ed. by G. Almond, S. Verba Boston, 1980; Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998; Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М., 2002.

⁴ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 104.

⁵ Inglehart R. Postmaterialist Politics // Comparative Politics: Notes and Readings / Ed by R. C. Macridis, V. E. Brown. Pacific Grove, 1990. P. 258.

⁶ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 119.

⁷ Беляева Л. А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 41.

⁸ О специфике «навязанного перехода» к демократии см.: Шмиттер Ф. Процессы демократического транзита и консолидация демократии // Полис. 1999. № 3.

⁹ Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1.

¹⁰ Лапкин В. В., Пантин В. И. Политические ориентации и политические институты: проблема коэволюции // Полис. 1999. № 3. С. 4.

¹¹ Мельвиль Ю. А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Политическая Россия / Под ред. Л. Шевцовой. М., 1998. С. 178.

¹² См.: Восемь лет при Путине // Власть. 2007. № 36. С. 26; Римащевская Н. М. Социальные стратегии развития России // Будущее России в зеркале синергетики / Под ред. Г. Г. Малинского. М., 2006. С. 27–28.

¹³ Левашов В. К. Консолидация гражданского общества в России. М., 2007. С. 17–18.

¹⁴ Левашов В. К. Консолидация гражданского общества в России. М., 2007. С. 24–25.

¹⁵ Петухов В. В. Демократия участия и политическая трансформация России. М., 2007. С. 64–65.

¹⁶ Петухов В. В. Демократия участия и политическая трансформация России. М., 2007. С. 77.

¹⁷ Рукавишников В. О. Политическая культура и демократизация в посткоммунистических странах // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ / Под ред. Г. П. Артёмова. СПб., 2002. Вып. 3. С. 9.

¹⁸ Несбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. М., 1992. С. 4.

¹⁹ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997. С. 275.

²⁰ *Luncet С.* Американская демократия в сравнительной перспективе // Сравнительная социология. Избранные переводы. М., 1995. С. 157–159.

²¹ *Luncet С.* Американская демократия в сравнительной перспективе // Сравнительная социология. Избранные переводы. М., 1995. С. 172.

²² *Несбитт Дж., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. М., 1992. С. 347.

²³ *Петухов В. В.* Демократия участия и политическая трансформация России. М., 2007. С. 77.

²⁴ Диалог. 1992. № 6–7. С. 72.

²⁵ *Петухов В. В.* Демократия участия и политическая трансформация России. М., 2007. С. 76.

²⁶ Почти все перечисленные показатели использовались в кросснациональных исследованиях политической культуры (см.: *The Civic Culture Revisited* / Edited by G. Almond, S. Verba. London, 1989. P. 190, 195, 232, 234, 239, 242; *Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 119, 134, 165, 166, 173, 179, 180, 201, 214, 224, 283, 295; Eurobarometer. Public Opinion in the European Union. Variables Trend 1974–1994. Brussel, 1994. P. 37–49; 161–167; 200–205; *Janda K, Berry J., Goldman J.* The Challenge of Democracy. Government in America. Princeton, 1989. P. 14, 55, 240, 250).

²⁷ Для сбора данных по перечисленным компонентам использовались следующие вопросы: 1. «В какой степени Вы интересуетесь политикой?». Альтернативы ответов: в большой степени; в некоторой степени; в малой степени; совсем не интересуюсь; затрудняюсь ответить. 2. «Как Вы считаете, в какой степени Вы можете оказывать влияние на решения органов власти?». Альтернативы ответов: в большой степени; в некоторой степени; в малой степени; ни в какой степени; затрудняюсь ответить. 3. «Вы лично готовы или нет к активному политическому протесту в случае ущемления Ваших прав и интересов?». Альтернативы ответов: да; нет; затрудняюсь ответить. 4. «Скажите, пожалуйста, что для Вас важнее?». 4.1. «Справедливость или права человека?». Альтернативы ответов: справедливость; права человека; и то и другое; затрудняюсь ответить. 4.2. «Свобода или порядок?». Альтернативы ответов: свобода; порядок; и то и другое; затрудняюсь ответить.

²⁸ См.: *Артёмов Г. П.* Гражданская культура и выборы // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ / Под ред. Г. П. Артёмова. СПб., 2002. Вып. 3. С. 22–23; *Артёмов Г. П.* Характер изменения политических установок и ценностных ориентаций петербургских избирателей // Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ / Под ред. Г. П. Артёмова. СПб., 2005. Вып. 6. С. 12.

²⁹ См.: *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Под ред. М.В. Ильина и А.Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 98.

³⁰ *Левашов В. К.* Консолидация гражданского общества в России. М., 2007. С. 49.

³¹ Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М., 2004. С. 225–226.

³² *Петухов В. В.* Демократия участия и политическая трансформация России. М., 2007. С. 40.